

ISSN 0130-2620

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

202

ПОЛЕВАЯ АРХЕОЛОГИЯ
ДРЕВНЕКАМЕННОГО ВЕКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ББК 63.4
П 49

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. В. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора), Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

кандидаты исторических наук
Х. А. АМИРХАНОВ, Н. К. АНИСЮТКИН

П-49 **Полевая археология древнекаменного века.**— М.: Наука, 1990.—
120 с., ил.— (Крат. сообщ. Ин-та археологии; Вып. 202).
ISBN 5-02-009527-3

В статьях анализируется методика полевого исследования памятников древнейшего каменного века. Рассматриваются палеолитические памятники основных типов, находящиеся в Восточной Европе и Азии в разных природных и геологических ситуациях.

Для археологов.

П $\frac{0504000000-228}{042(02)-90}$ 126-90-Кн. II

ББК 63.4

ISBN 5-02-009527-3

© Издательство «Наука», 1990

в тех случаях, когда кремневое орудие имеет рабочий край геометрически правильной формы, такой же, как металлическое. Медленно снашиваются формы треугольные или подквадратные в сечении с большими углами заострения. Орудия с тонким рабочим краем хрупкие и снашиваются быстрее. У кремневых орудий видоизменение конца происходит быстрее, чем у металлических. При определении материала орудия, которым выбивались изображения на скалах, компетентными можно считать заключения только специалиста-трассолога. Итальянские археологи изучают технику создания петроглифов при помощи специальных измерительных приборов, при посредстве микроотливок, снятых со скалы, а также макроснимков. Они научились отличать изображения, выбитые правой и левой рукой, одним или разными мастерами, одним и разными орудиями; устанавливать последовательность выбивки в каждом отдельном изображении, а также в целой композиции³.

Методика полевых работ с таким сложным материалом, как наскальные изображения, не может быть разработана на все случаи жизни и быть одинаково применима к любому памятнику. В настоящее время методические основы подхода к наскальному искусству находятся в процессе становления, совершенствуясь параллельно с развитием науки и с техническим прогрессом, открывающим неизвестные ранее возможности для использования новейших материалов при копировании, новые пути для анализа различных сторон изучения ценнейшего археологического источника, национального богатства нашей страны — наскальных изображений.

¹ Anati E. Methods of recording and analysing rock engravings // Studi Camuni. Capo di Ponte. 1977. V. 7.

² Кадырбаев М. К., Марьяшев А. Н. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977.

³ Anati E. Op. cit. P. 28—29, 37—39.

В. Е. ЩЕЛИНСКИЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ

(к методике изучения
первобытных пещерных святилищ)

Среди пещерных археологических памятников по праву выделяются памятники особого типа, условно называемые пещерными святилищами первобытного человека. Одно из них, датируемое эпохой верхнего палеолита, связано с известной Каповой (Шульган-Таш) пещерой. Пещера эта находится в Башкирии на западном склоне Южного Урала в долине р. Белой, в 200 км к югу от города Уфы. Она карстового типа, выработана в сильно дислоцированных известняках девонского и каменноугольного периодов, имеет два этажа. Суммарная длина всех исследованных в ней ходов составляет около 2 км.

Каповая пещера является многоплановым и специфическим археологическим памятником, отличающимся сложной структурой. По отношению к нему, на наш взгляд, вполне применимо понятие природно-археологического комплекса, поскольку археологический материал здесь связан с пещерой, которая в карстоведческом плане признана одной из крупнейших и интереснейших на Урале. Среди многочисленных уральских пещер, по мнению известного геолога Г. В. Вахрушева, именно Каповая

является наиболее подходящим местом для организации пещерного научного стационара с целью изучения «многих теоретических и практических вопросов, связанных с карстом»¹. Однако для нас Каповая пещера интересна прежде всего как археологический памятник и при этом весьма своеобразный. Своеобразие его заключается в том, что первостепенное научное значение здесь имеют проявления не материальной, а духовной культуры прошлого: произведения изобразительного творчества первобытного человека в виде наскальной пещерной палеолитической живописи, размещенной в труднодоступных местах в глубине пещеры. Остатки же материальной культуры в данном случае играют вспомогательную роль, в контексте изучения настенной живописи этого памятника.

Напомним, что живопись в пещере была открыта и предварительно описана в 1959 г. зоологом А. В. Рюминым, а затем в течение многих лет изучалась О. Н. Бадером². Анализируя более чем три десятка красочных рисунков пещеры (реалистических изображений зверей и стилизованных изображений геометрического характера), О. Н. Бадер пришел к выводу, что все они выполнены однородной красной краской (охрой). Каждая из фигур наносилась на стены отдельно «без видимой связи и не одновременно с другими на протяжении какого-то сравнительно небольшого отрезка времени». Живопись пещеры исследователь сопоставил с монохромной силуэтной живописью палеолитических пещер Южной Франции и датировал ее ранним мадленом. Вместе с тем он подчеркивал своеобразие содержания, стиля и техники и приблизительность предложенных им датировки для рисунков этой пещеры³.

Таким образом, основной комплекс проблем дальнейшего изучения Каповой пещеры связан с необходимостью уточнения датировки и археолого-культурной специфики всего пещерного святилища и его живописи. Решение этих сложных проблем, на наш взгляд, зависит прежде всего от проведения в пещере новых археологических раскопок и скрупулезных типологических исследований настенных красочных изображений, а также более целенаправленных работ геоморфологического и геологического профиля на основе современных методов. При этом ясно, что осуществление указанной программы в необычных условиях — в глубине темных пещерных пространств — не может не придавать ей некоторых особенностей.

Исключительно важное значение имеет составление подробного плана пещеры, без которого невозможны какие-либо серьезные исследования. Сделать это пытались многие спелеологи, но особенно велика заслуга карстово-спелеологической экспедиции Башкирского университета, возглавляемой Е. Д. Богдановичем и И. К. Кудряшовым, которой впервые удалось выполнить серию вертикальных разрезов и составить план значительной части пещеры⁴. Мы продолжили съемочные работы и в настоящее время подготовили более детальный план пещеры и ее ближайших окрестностей⁵. Однако изготовление общего подробного плана Каповой пещеры нельзя считать законченным, работа осложняется гигантскими размерами последней. Кроме того, видимо, целесообразно отразить на плане, помимо конфигурации полостей и этажности пещеры, ее геоморфологические уровни более низкого порядка. Выявление последних представляется необходимым для точной увязки этапов формирования пещеры с образованием береговых террас реки, на которой она располагается. К сожалению, надежных сведений по геоморфологии пещеры и речным террасам все еще недостаточно. Вследствие этого остается пока не выясненным и возраст пещеры, хотя делались попытки решения данного вопроса⁶.

Вероятность глубокой древности многих полостей Каповой пещеры усложняет задачу геологической датировки заключенного в ней археоло-

гического комплекса, явно более молодого по сравнению с возрастом памятника. В этой связи, как нам представляется, весьма важно последовательное всестороннее геолого-археологическое изучение рыхлых отложений в отдельных галереях и залах пещеры. Разумеется, что в первую очередь необходимо исследовать залы, содержащие настенные рисунки. Некоторые попытки в этом отношении уже предпринимались в начале 60-х годов О. Н. Бадером совместно с геологами В. А. Лидером и А. Г. Цибулькиным. К сожалению, результаты их работ не получили отражения в печати. Раскопки проводились в двух залах на обоих этажах пещеры, а раскопы ставились у стен залов непосредственно под рисунками. Так предполагалось подтвердить палеолитический возраст последних. Однако культурный слой не был обнаружен. В раскопах на разных уровнях были зафиксированы лишь уголь, единичные кости и тонкие известняковые плитки, обкапанные красной краской. Находки эти тем не менее были отнесены к палеолиту и связывались с приходом человека в пещеру делать рисунки⁷. Это заключение трудно признать методически оправданным, поскольку ни отмеченные выше находки, ни пещерные отложения, включающие их, сами по себе еще не указывают именно на палеолитическое время их образования и накопления. И конечно же, без радиоуглеродного датирования и результатов других анализов они ни в коей мере не могут служить доказательством палеолитического возраста настенных рисунков.

Наши раскопки в пещере явились продолжением работ О. Н. Бадера. Они были начаты на первом этаже в зале Знаков, расположенном в 160 м от входа в пещеру, сначала разведочным шурфом, а затем раскопом. Раскоп был поставлен вблизи от мест прежних раскопок, но не у стен, где отложения чаще всего бывают размыты и смешанные, а на некотором расстоянии от них. Для этого был выбран ровный и приподнятый участок пола без следов современного размыва (рис. 1). Именно здесь, как показали раскопки, сохранилась наиболее полная колонка пещерных отложений мощностью около 3,5 м и в них нам удалось открыть (впервые для пещеры) непереотложенный культурный слой несомненно верхнепалеолитического времени. Надо сказать, что отложения, вскрытые раскопом, хорошо стратифицированы. Культурный слой залегает на глубине 0,5 м от поверхности (рис. 2). Учитывая опорный характер данного разреза отложений пещеры, на нем начаты комплексные исследования: палинологические, палеомагнитные и др. Первые результаты выполненных анализов оказались исключительно интересными и дали возможность уточнить геологическую и абсолютную датировку обнаруженного культурного слоя⁸.

Изучение слоя в глубине пещеры требует особенно тщательной его расчистки, фиксации находок на планах и обязательной полной промывки заполнителя слоя на мелких ситах вне пещеры. Применение этой методики позволило выявить в слое, в общем-то довольно бедном находками, наряду с костными остатками ископаемых животных весьма выразительный комплекс разнообразных культурных остатков (всего около 200 предметов), состоящий из каменных изделий, единичных костяных орудий, мелких украшений и других любопытных находок. Обнаружена в культурном слое и охра нескольких оттенков, причем не только в виде окрашенности суглинка, но и кусочками до 2 см в поперечнике. При этом бросается в глаза сходство ее с охрой, которой выполнены рисунки на стенах пещеры. Другой исключительно важной находкой, свидетельствующей о хронологической близости культурного слоя с настенной живописью, является отпавшая в древности от стены небольшая глыба известняка, на которой сохранились остатки небольшого красочного изображения в виде контурного рисунка, по-видимому, мамонта, близкого изображениям на стенах

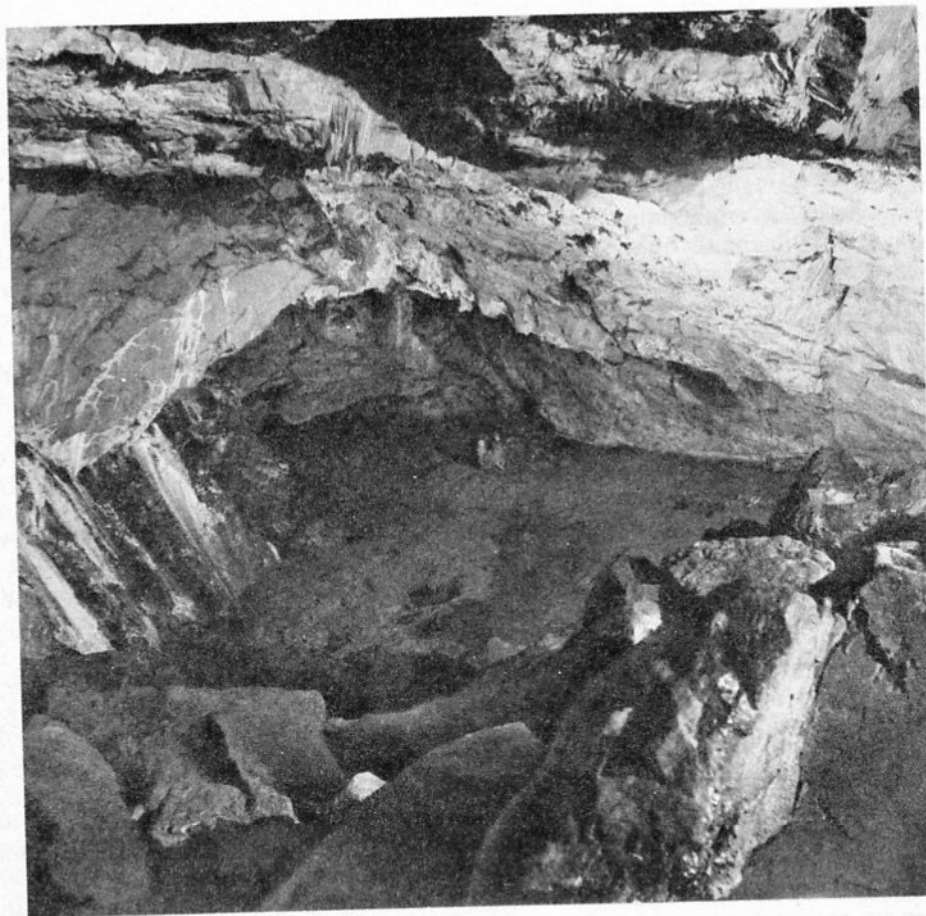

Рис. 1. Каповая пещера. Раскопки в зале Знаков

пещеры. Таким образом, открытие в Каповой пещере культурного слоя имеет принципиально важное методическое значение для характеристики и понимания сущности изучаемого памятника. Наличие в этом слое охры и красочного рисунка на глыбе известняка, в общем таких же, как на стенах пещеры, а также само расположение культурного слоя в непосредственной близости от настенных рисунков позволяют прямо увязывать его с живописью пещеры и признать эти два явления в определенной мере синхронными и связанными между собой.

Коротко остановимся на некоторых общих методических аспектах исследования живописи Каповой пещеры. В основе ее изучения, как и любых других подобных красочных изображений, в культурно-хронологическом ли плане, в социальном аспекте или в искусствоведческой плоскости лежит прежде всего детальное описание, типологический и стилистический анализ изображений. Ввиду этого в начале исследования большое значение приобретают два методических момента. Во-первых, это необходимость правильного «прочтения» деталей формы рисунков. И во-вторых, изготовление максимально точных копий изображений, как делаемых от руки, так и фотографических, которые в сочетании должны дать полное представление об оригиналах. Такие работы, начатые О. Н. Бадером, мы считаем целесообразным продолжить, ибо это нужно не только для углубления анализа каповой живописи, но и для ее популяризации. При этом приходится учитывать, что информативная значи-

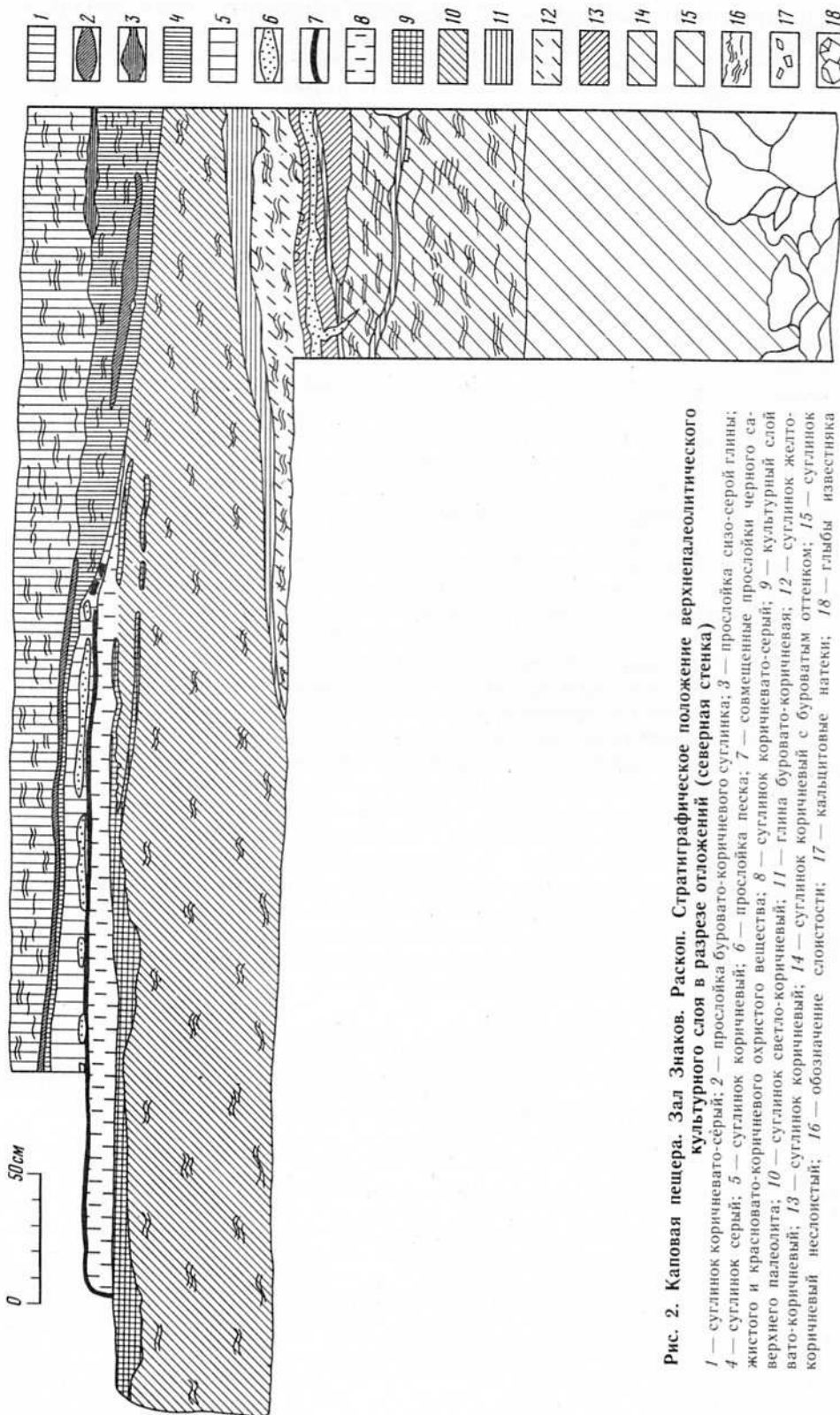

Рис. 2. Каповая пещера. Зал Знаков. Раскоп. Стратиграфическое положение верхнепалеолитического культурного слоя в разрезе отложений (северная стенка)

1 — суглинок коричнево-серый; 2 — прослойка буровато-коричневого суглинка; 3 — прослойка сизо-серой глины; 4 — суглинок серый; 5 — суглинок коричневый; 6 — прослойка песка; 7 — прослойка песка; 8 — прослойка черного са- жистого и красновато-коричневого охристого вещества; 9 — совмещенные прослойки черного са- жистого и красновато-коричневого охристого вещества; 10 — суглинок буровато-серый; 11 — культурный слой верхнего палеолита; 12 — суглинок светло-коричневый; 13 — глина буровато-коричневая; 14 — суглинок желто- вато-коричневый; 15 — суглинок с буроватым оттенком; 16 — суглинок коричнево-серый; 17 — суглинок с буроватыми натекми; 18 — глыбы известняка

мость красочных изображений пещеры в настоящее время различна. Это связано с разной степенью их сохранности. Хуже сохранились те из них, которые в древности не были перекрыты натечной кальцитово-коркой, в ряде случаев защищавшей краску от размыва водой, стекающей по стенам. Некоторые из таких изображений сильно повреждены, а отдельные детали на них едва видны или совсем утрачены. Документация последних особенно затруднена, требует значительных усилий и мастерства художников и фотографов. Кроме того, часть рисунков все еще остается не расчищенной от толстого (до 5—6 см) слоя кальцитового натека, полностью маскирующего изображения. Очевидно, их типологическому изучению должна предшествовать реставрационная работа квалифицированных реставраторов.

Поскольку красочные изображения располагаются в разных залах и на обоих этажах пещеры, естественно, нет уверенности в их одновременности. Можно даже предположить, что они образуют определенную хронологическую последовательность, сохраняя при этом ряд общих стилистических черт. Чтобы как-то приблизиться к установлению точной хронологии каповой живописи, понять ее содержание и смысл размещения в разных местах пещерного пространства, мы пытаемся сейчас выявить все достаточно видимые невооруженным глазом красочные изображения и нанести их в одном масштабе на специальные планы. Интересно, что даже одно это позволяет констатировать наличие определенных закономерностей в распределении рисунков в пещере — относительно крупными группами по 4 и более изображений в каждой, малыми группами по 2—3 изображения и единичными изображениями. При этом рисунки отдельных группировок различаются по сюжетам и некоторым стилистическим особенностям исполнения фигур.

В заключение следует сказать о том, что в недалеком будущем Каповая пещера будет превращена в природно-археологический музей, открытый, хотя и в ограниченной мере, для посетителей. Это обстоятельство выдвигает дополнительные методические требования к полевым работам на памятнике. Потребовалось, в частности, изучение микроклимата и гидрологии пещеры, в результате чего получены первые наблюдения, касающиеся температурного режима, установлена предварительная схема воздухообмена и прослежены вероятные источники обводнения пещеры⁹. Дальнейшее накопление и обобщение этих сведений даст возможность выработать рекомендации для ликвидации в ней избыточной сырости. Без осуществления указанных технических подготовительных работ крайне необходимые уже сейчас реставрация и консервация настенных рисунков пещеры могут оказаться малоэффективными.

¹ Вахрушев Г. В. Загадки Каповой пещеры (Шульган). Уфа, 1960. С. 27.

² Бадер О. Н. Каповая пещера: Палеолитическая живопись. М., 1965; *Он же*. Некоторые итоги и перспективы изучения каменного и бронзового веков Урала // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1981. С. 44—48; *Он же*. Тайны седого Урала // Сквозь века: К истокам культуры народов СССР. М., 1986. Вып. 1. С. 165—196.

³ Бадер О. Н. Каповая пещера... С. 16—22.

⁴ Богданович Е. Д., Кудряшов И. К. Об этажности строения Каповой пещеры // СА. 1966. № 4. С. 150—154.

⁵ Ляхницкий Ю. С., Шелинский В. Е. Исследования Каповой пещеры (Шульган-Таш) // Изв. ВГО. 1987. Т. 119, вып. 6. С. 550.

⁶ Вахрушев Г. В. Загадки... С. 25; Бадер О. Н. Памятники палеолита на Южном Урале и их стратиграфическое значение // Антропоген Южного Урала. М., 1965. С. 243.

⁷ Бадер О. Н. Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции ИА АН СССР в 1962 г. // Арх. ИА АН СССР. Р-1. № 2515.

⁸ Шелинский В. Е., Кузьмина И. Е., Кочегура В. В. О возрасте культурных остатков в Каповой (Шульган-Таш) пещере на Южном Урале // Тез. докл. Всесоюз. конф. «Геохронология четвертичного периода». Таллин, 1985. С. 79.

⁹ Ляхницкий Ю. С., Шелинский В. Е. Исследования... С. 548—553.